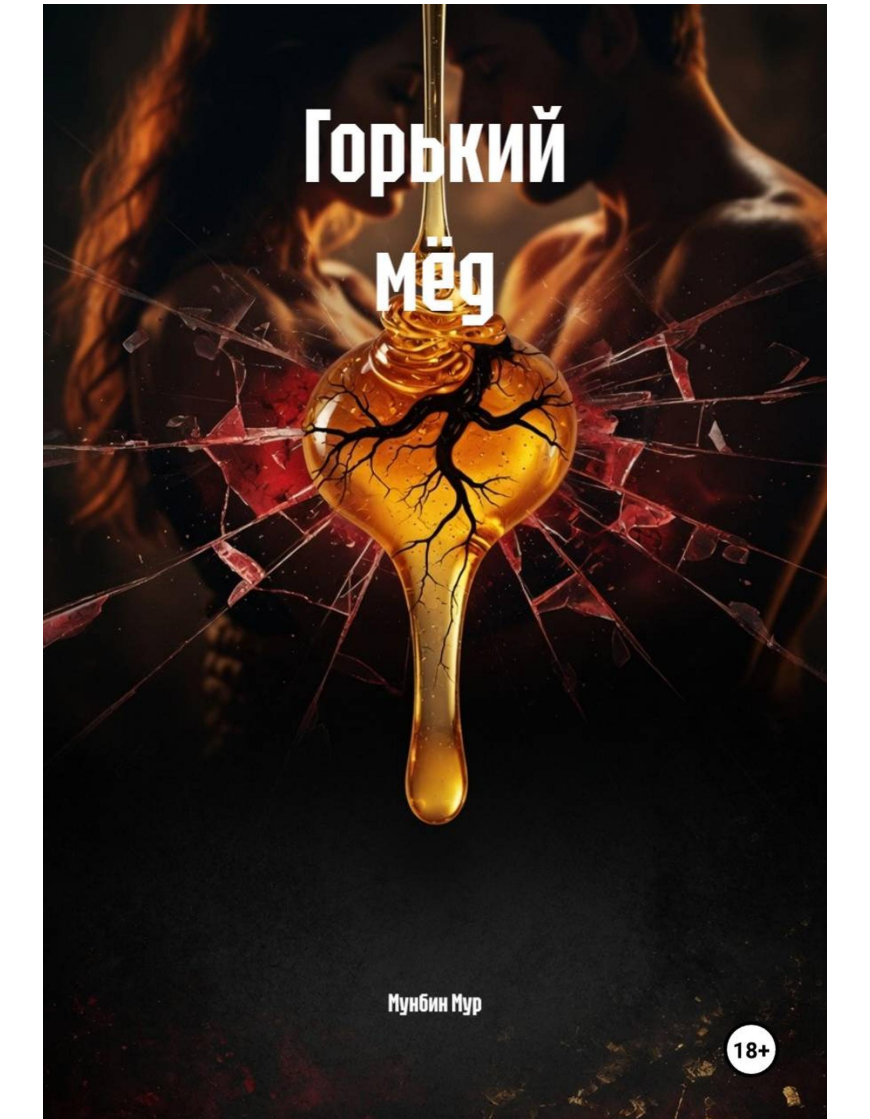

Горький Мёд

Мунбин Мур

18+

Мунбин Мур Горький мёд

<https://litres.ru/74169873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — хищник, привыкший брать всё без спроса. Она — сломленная девочка без гроша в кармане. Их случайная встреча под дождём обернулась одержимостью, а деловое соглашение — опасной игрой на грани боли и наслаждения. Виктор Горчаков подарил Алисе целый мир: власть, защиту, испепеляющую страсть и кольцо на палец. Но у этой любви привкус горького мёда.

В прошлом Виктора скрыта тайна, которая перечеркивает всё: он может быть причастен к гибели отца Алисы. Теперь каждый его поцелуй — сладкий яд, а каждое слово — искусная ложь. Когда враги протягивают ей папку с доказательствами, а новообретенный брат клянётся отомстить, Алиса оказывается между двух огней.

Это история о токсичной зависимости, от которой невозможно отказаться. О страсти, что разрушает до основания и возрождает из пепла. О горьком мёде, который отравляет душу, но без которого жизнь теряет всякий вкус. Что победит: правда или любовь? Мсть или прощение?

Содержание

Глава 1. Воронка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Горький мёд

Говорят, мёд горчит, если пчёлы собирали нектар с ядовитых цветов. Он сохраняет свою сладость, манит золотистым сиянием, но стоит капле коснуться языка, как горечь проникает в кровь навсегда.

Наша любовь была именно такой.

Сладкой, как запретное касание. Тягучей, как расплавленное солнце. И смертельно горькой, как отравы, которую подмешивают в вино по капле, чтобы жертва привыкла к вкусу и сама просила добавки.

Я знала правила. Знала, что нельзя смотреть в глаза хищнику. Но когда мёд льётся с чужих губ, обещая утолить жажду всей твоей жизни, разве ты думаешь о последствиях?

Меня зовут Алиса. И это история о том, как я добровольно шагнула в ад, приняв его за рай.

Мунбин Мур

Глава 1. Воронка

Дождь барабанил по карнизу старого дома на Большой Ордынке с монотонностью метронома, отсчитывающего последние секунды перед казнью. Каждое утро начиналось с этого звука вот уже которую осень — Москва тонула в се-

рой мороси, захлёбывалась пробками, гудела клаксонами и дышала гарью, но здесь, в переулках Замоскворечья, время будто застревало в патоке девятнадцатого века. Жёлтые фонари размывались в лужах, превращая асфальт в подёрнутое рябью зеркало, и в этом зеркале отражалась фигура девушки, кутающейся в тёмно-синий тренч слишком лёгкого для конца октября кроя.

Алиса опаздывала.

Нет, не так — Алиса катастрофически, непростительно, фатально опаздывала на собеседование, от которого зависело, будет ли она есть в этом месяце что-то кроме гречки, разбавленной кипятком из общего чайника. Часы показывали без четверти десять, а нужный особняк — трёхэтажное здание цвета слоновой кости с лепниной и коваными решётками на окнах — всё не появлялся, хотя навигатор утверждал, что цель в ста метрах прямо по курсу. Телефон, как назло, барахлил: экран затягивало фиолетовыми полосами, приложение карт тормозило, и указатель метался по карте, словно муха, попавшая в банку.

— Да что ж такое... — прошептала она, стуча окоченевшими пальцами по дисплею.

Туфли на тонкой подошве давно промокли, ноги онеме-

ли, а причёска, которую она старательно вытягивала утюжком час назад перед единственным уцелевшим зеркалом в съёмной квартире, превратилась в жалкие пряди, облепившие лицо. Алиса чувствовала, как тушь, купленная три месяца назад по акции в переходе метро, предательски течёт, оставляя тёмные разводы под глазами. Вид, должно быть, тот ещё: затравленная, мокрая, с трясущимися от холода и голода руками.

Собственно, голод был её постоянным спутником последние полгода. После смерти бабушки, единственного близкого человека, после продажи квартиры в Подольске для покрытия долгов, оставленных без вести пропавшим отцом, после череды ночных подработок официанткой и дневных — оператором колл-центра, она балансировала на тонкой грани между «ещё держусь» и «полное дно». Диплом филфака МГУ, которым она так гордилась, лежал в коробке из-под обуви вместе с детскими фотографиями и бабушкиным серебряным кулоном — её маленьким наследством, которое она не продала только чудом, да и то потому, что оценщик в ломбарде дал за него смехотворную цену.

И вот теперь — «Горчаков-холдинг». Одна из крупнейших корпораций страны, занимающаяся, если верить сайту, «комплексными инвестиционными решениями в сфере де-велопмента и управления активами». Алиса понятия не име-

ла, что это означает на человеческом языке, но вакансия личного ассистента руководителя отдела стратегического планирования предполагала зарплату в сто пятьдесят тысяч рублей до вычета налогов плюс социальный пакет, медицинскую страховку и «карьерный рост в динамично развивающейся компании». Последнее звучало как издёвка, но сто пятьдесят тысяч — сумма, от которой у неё перехватывало дыхание. Это была не просто работа, это был спасательный круг, брошенный утопающему.

Резюме она отправляла ночью, в три часа, после смены в круглосуточной кофейне на Павелецкой, где пьяный посетитель вылил на неё латте, а менеджер заставил убирать, не дав переодеться. Помнится, тогда она рыдала в подсобке среди мешков с кофейными зёрнами и пакетов молока, уткнувшись в собственные колени, пахнущие кислым кофе, и думала, что хуже уже не будет. А потом зашла на сайт вакансий и, почти не глядя, отправила резюме на десяток позиций, особо не надеясь на ответ. И кто бы мог подумать, что через два дня раздастся звонок — вежливый, безукоризненный голос, представившийся «секретарём приёмной Горчакова», пригласил её на собеседование. На сегодня. На десять утра. В головной офис на Большой Ордынке.

И вот она бредёт под дождём, опаздывая уже на пятнадцать минут, и готова выть от отчаяния, потому что стрел-

ка навигатора окончательно сошла с ума и показывает, что нужный дом находится прямо под ней, то есть глубоко в недрах московских коммуникаций.

— Девушка, вы кого-то ищете?

Голос раздался откуда-то сбоку, из арки, уходящей во внутренний двор старого особняка. Алиса вздрогнула и обернулась. Под кирпичным сводом, прислонившись плечом к стене, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмно-сером пальто, явно сшитом на заказ, с идеально повязанным кашемировым шарфом и зонтом-тростью, который он держал с небрежной элегантностью, словно сошёл с обложки журнала о стиле. Лицо его было в тени, но даже так Алиса уловила острые, резкие черты — тяжёлый подбородок, высокие скулы, глубоко посаженные глаза, блеснувшие в полумраке, как два осколка антрацита.

— Я... да, — она сглотнула, чувствуя, как голос предательски дрожит. — «Горчаков-холдинг». Навигатор показывает, что это здесь, но я не вижу входа.

Мужчина едва заметно улыбнулся — или, скорее, обозначил улыбку, потому что губы его лишь чуть изогнулись, не затронув глаз. Глаза остались холодными, изучающими, словно он прикидывал, стоит ли она его времени.

— Навигатор не врёт. Вход со двора. Историческая планировка: раньше здесь была усадьба Демидовых, потом доходный дом, потом коммуналка, а теперь офис. Идите за мной.

Он развернулся и шагнул в арку, не оборачиваясь, не проверяя, идёт ли она следом. Движения его были плавными, текучими, как у крупного зверя, уверенного, что жертва никуда не денется. Алиса замялась на секунду — мама в детстве учила не ходить за незнакомыми мужчинами в тёмные арки, — но холод, отчаяние и мысль о ста пятидесяти тысячах пересилили инстинкт самосохранения. Она шагнула в полумрак.

Внутренний двор оказался квадратным колодцем, вымощенным брусчаткой, с чахлым газоном посередине и старым фонтаном, давно не работавшим. Стены, облицованные светлым камнем, вздымались вверх, к серому, прохудившемуся дождём небу, и от этого возникало гнетущее чувство замкнутости, отрезанности от внешнего мира. В углу двора, за фонтаном, обнаружилась массивная дубовая дверь с латунной табличкой «Горчаков-холдинг» и камерой наблюдения над ней.

— Спасибо, — выдохнула Алиса, нагоняя незнакомца. — Я бы сама не нашла.

Он снова бросил на неё короткий взгляд — теперь, при дневном, хоть и сером свете, она смогла разглядеть его лицо подробнее. Лет тридцати пяти, может, чуть больше. Лёгкая седина на висках, контрастирующая с угольно-чёрными волосами, уложенными в небрежную, но явно дорогую стрижку. Тонкий шрам над левой бровью, почти незаметный, но добавляющий лицу опасной, хищной красоты. И запах — едва уловимый, древесно-пряный, с нотой бергамота и чего-то горьковатого, напоминающего полынь. Запах дорогого парфюма, сигарет и власти.

— Опаздывать на собеседование в «Горчаков-холдинг» — плохая идея, — произнёс он, открывая дверь и придерживая её для неё. — Здесь не любят необязательных.

Внутри особняк разительно отличался от своего исторического фасада. Холл сверкал хромом, стеклом и белым мрамором: минималистичные светильники, стойка ресепшена, за которой сидела девушка с лицом модели и голосом автоответчика, два прозрачных лифта, уходящие вверх, в галерею второго этажа. Охранник в чёрном костюме с прозрачным наушником провёл сканером по сумке Алисы — старой, потёртой, купленной три года назад на распродаже, — и велел расписаться в журнале посетителей.

— К кому? — спросил он, не поднимая глаз.

— К... — она запнулась. В приглашении было указано: «отдел стратегического планирования, руководитель — В. А. Горчаков». — К Горчакову.

Охранник поднял бровь, переглянулся с девушкой на ресепшене. Та натянуто улыбнулась и протянула пластиковый пропуск с логотипом компании — стилизованной буквой «Г», вписанной в круг.

— Четвёртый этаж, переговорная «Фаберже». Лифт справа.

Алиса взяла пропуск дрожащими пальцами и направилась к лифтам. Незнакомец в сером пальто, который, оказывается, всё ещё стоял рядом, чуть заметно усмехнулся и тоже шагнул к лифтам. Они вошли в кабину одновременно: он — уверенно, по-хозяйски, она — робко, стараясь занимать как можно меньше места.

Лифт мягко тронулся. В зеркальной стене кабины Алиса увидела себя и поразилась контрасту. Рядом с этим идеальным, будто выточенным из мрамора мужчиной она выглядела жалко: мокрые волосы, прилипшие к черепу, делали её и без того худое лицо измождённым, круги под глазами напо-

минали синяки, а тренч, ещё утром казавшийся приличным, теперь смотрелся дешёвой тряпкой. Сравнение было убийственным.

— Сильно волнуетесь? — спросил он, не поворачивая головы. Голос его отразился от зеркальных стен, став объёмным, обволакивающим.

— Есть немного, — призналась она, стараясь унять дрожь в коленях.

— Зря. Страх — это маячок для хищников. Они его чувствуют за версту. Если покажете Горчакову, что боитесь, — он вас съест. Он вообще ест людей на завтрак.

В его тоне сквозило что-то странное: не то насмешка, не то предупреждение, не то странное, почти интимное знание того, о ком он говорил. Алиса повернула голову, чтобы спросить, откуда он знает про Горчакова, но лифт остановился, двери разъехались, и мужчина вышел, не прощаясь, свернул в коридор налево и исчез за одной из многочисленных стеклянных дверей.

Четвёртый этаж встретил её тишиной и холодным светом ламп дневного спектра. Коридор, устланный серым ковролином, уходил в обе стороны, и таблички на дверях — строгие,

серебристые — сообщали о присутствии отделов, названия которых ничего Алисе не говорили. Переговорную «Фаберже» она нашла не сразу: сначала свернула не туда и едва не вошла в зал для совещаний, где десяток людей в костюмах слушали презентацию, транслируемую на огромный экран. Секретарь, возникшая из ниоткуда — сухая женщина лет сорока с пучком на затылке и взглядом цербера, — молча указала ей в конец коридора, даже не спросив, кто она такая.

Дверь переговорной была приоткрыта. Алиса постучала, не услышала ответа, толкнула створку и вошла.

Комната поражала размерами. Огромный стол красного дерева, способный вместить человек двадцать, занимал центр. Вдоль стен — стеллажи с папками и какими-то наградами в стеклянных кубах. Окна от пола до потолка выходили на внутренний двор, и дождь барабанил по стёклам, создавая иллюзию, будто находишься внутри аквариума. В дальнем конце стола, спиной к двери, стоял человек и смотрел в окно. Высокий силуэт на фоне серого неба, плечи, обтянутые тёмно-синей тканью идеально сидящего пиджака, рука, засунутая в карман брюк.

— Здравствуйте, — голос Алисы прозвучал тише, чем она рассчитывала. — Я на собеседование. Алиса Карелина.

Человек у окна не обернулся. Молчание затянулось настолько, что Алиса успела мысленно пересчитать все свои грехи и подготовиться к тому, что её сейчас выставят. Она уже почти попятилась к двери, когда мужчина заговорил:

— Алиса. Как в Стране чудес. Интересно.

Голос был низким, с лёгкой хрипотцой, словно его обладатель недавно проснулся или, наоборот, не спал всю ночь. И было в нём что-то неуловимо знакомое — та же интонация, тот же ритм, что и у незнакомца в арке. Мужчина повернулся, и Алиса почувствовала, как сердце пропускает удар, чтобы в следующую секунду забиться с удвоенной силой.

Перед ней стоял тот самый человек из арки.

Только теперь он был без пальто, в одном костюме, и от этого выглядел ещё более угрожающе. Пиджак облегал широкие плечи и сужался к талии, белая рубашка была расстёгнута на две пуговицы, открывая смуглую кожу и намёк на рельефные мышцы груди. Галстук отсутствовал. Лицо, которое в полумраке арки казалось просто красивым и холодным, теперь, при ярком свете переговорной, обрело сходство с лицами античных статуй — то же совершенство черт, та же отстранённость, та же скрытая угроза, застывшая в уголках губ.

— Вы... — выдохнула она, чувствуя, как краска заливает щёки. — Простите, я не знала, что вы...

— Что я — Горчаков? — он закончил за неё и впервые улыбнулся по-настоящему. Улыбка преобразила его лицо, сделав почти обаятельным, но что-то в изгибе губ, в хищном блеске глаз заставило Алису похолодеть. — А вы думали, кто? Случайный прохожий, который от скуки решил помочь заблудившейся девочке?

Он отошёл от окна, приблизился к столу, взял со столешницы папку — ту самую, с её резюме, которое она отправляла ночью, — и небрежно пролистнул. Взгляд его скользил по строчкам, и Алиса, застывшая у двери, ощущала себя бабочкой, пришпиленной к бархату. Каждая секунда этого молчаливого изучения отдавалась в висках пульсирующей болью.

— Карелина Алиса Дмитриевна, двадцать три года, — зачитал он вслух, и голос его прозвучал как приговор. — Окончила филологический факультет МГУ с красным дипломом. Тема диплома: «Семантика страдания в русской литературе девятнадцатого века». Оригинально. Опыт работы: официантка, оператор колл-центра, помощник библиотекаря в районной библиотеке. Ни дня в корпоративной среде. Ни одного курса по делопроизводству. Ни малейшего понимания того,

чем занимается наша компания. — Он поднял глаза от папки, и в них плескалась насмешка пополам с любопытством. — И знаете, Алиса Дмитриевна, из ста двадцати трёх резюме, присланных на эту вакансию, ваше — худшее. С точки зрения профессиональных качеств, разумеется.

У неё пересохло во рту. Сто двадцать три резюме. Сто двадцать три человека, которые наверняка разбираются в деловом процессе, имеют опыт и пришли вовремя. Сто двадцать три причины вышвырнуть её отсюда прямо сейчас.

— Тогда почему... — она замаялась, не зная, как сформулировать вопрос. — Почему вы меня пригласили?

Горчаков отложил папку и медленно, очень медленно обошёл стол, приближаясь. Каждый его шаг отдавался глухим эхом в тишине переговорной. Остановился в метре от неё — достаточно близко, чтобы она снова почувствовала тот запах: полынь, табак, дорогая кожа. Достаточно близко, чтобы заметить, что глаза у него не чёрные, как показалось сначала, а тёмно-карие, почти шоколадные, с золотистыми искрами вокруг зрачков. Красивые глаза. Опасные.

— Потому что все сто двадцать два остальных кандидата, — он чуть наклонился, сокращая дистанцию до неприличной, — были слишком... предсказуемыми. Слишком пра-

вильными. Слишком похожими друг на друга. А вы, Алиса Дмитриевна, выделяетесь. Как белая ворона, залетевшая в стаю голубей. Это интригует.

Она чувствовала его дыхание на своём лице — тёплое, с лёгкой горчинкой кофе. Сердце колотилось где-то в горле, и она молилась, чтобы он не заметил, как дрожат её пальцы, как подкашиваются ноги. От него исходила та особая аура, которая бывает у очень уверенных, очень успешных и очень опасных мужчин, привыкших получать всё, чего они хотят, не принимая отказа.

— Я готова учиться, — выпалила она, ненавидя себя за жалобные нотки в голосе. — Я быстро схватываю. Я буду делать всё, что потребуется, я...

— Всё? — перебил он, и слово это упало между ними, тяжёлое, как камень в стоячую воду. — Вы уверены в формулировке, Алиса Дмитриевна? Потому что я очень требователен. Я привык получать от людей максимум. И, как я уже говорил, я ем людей на завтрак.

Она сглотнула. В горле стоял ком, мешающий дышать. Всё происходящее напоминало сон — один из тех тревожных снов, где ты бежишь и не можешь сдвинуться с места, где воздух становится вязким, как сироп, и каждый вдох даётся

с трудом. Этот мужчина, этот кабинет, этот дождь за окном — всё это было слишком реальным и одновременно совершенно невероятным.

— Я уверена, — прошептала она, глядя ему прямо в глаза. И в этот момент произошло что-то странное: что-то дрогнуло в его взгляде, какая-то тень промелькнула на дне золотисто-карих глаз, словно он на секунду увидел в ней не просто очередную соискательницу, а что-то иное, что-то, что его позабавило и одновременно заинтересовало.

— Хорошо, — он отступил на шаг, и напряжение, висевшее в воздухе, немного рассеялось. — У вас будет испытательный срок. Месяц. Если выдержали — место ваше. Если нет — до свидания. Но предупреждаю сразу: я не нянька. Я не буду объяснять дважды. Я не прощаю ошибок. И я требую абсолютной, безоговорочной лояльности. Вам придётся стать моей тенью, Алиса. Моим вторым «я». Вы будете знать обо мне всё: моё расписание, мои встречи, мои привычки, мои предпочтения. Вы будете на связи двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Вы забудете, что такое личная жизнь, выходные и сон. Потому что, когда я работаю — а я работаю всегда, — работаете и вы. Вас это устраивает?

Она должна была испугаться. Должна была вежливо отказаться, сославшись на то, что это каторга, а не работа. Долж-

на была бежать из этого особняка, из этого кабинета, из этого города, от этого мужчины, который смотрел на неё так, словно уже видел её насквозь, со всеми слабостями, страхами и тайнами, которые она сама от себя скрывала. Но вместо этого она услышала собственный голос, произносящий:

— Устраивает.

И, произнеся это слово, она почувствовала, как невидимая петля затянулась на шее. Пока ещё не туго, пока ещё оставляя пространство для дыхания. Но уже необратимо.

Горчаков улыбнулся — той самой улыбкой, от которой холодело в груди, — и протянул ей руку. Не папку с договором, не лист с условиями найма. Просто руку для пожатия.

— Тогда добро пожаловать в ад, Алиса из Страны чудес. Надеюсь, вы не боитесь огня.

Её пальцы коснулись его ладони, и ток пробежал по коже — в прямом смысле, будто слабый электрический разряд. Рукопожатие было крепким, сухим, властным. Его кожа была горячей — неестественно горячей для живого человека, словно внутри у него горела печь, пожирающая всё, что в неё попадает. Алиса вдруг отчётливо поняла, что только что совершила самую большую ошибку в своей жизни и одновре-

менно — самый важный выбор. Будто все предыдущие двадцать три года вели её именно к этой минуте, к этому кабинету, к этой протянутой руке.

— Приступаете завтра, — сказал Горчаков, отпуская её ладонь и разворачиваясь к столу. — В восемь утра. Опоздаете хоть на минуту — уволены. В отделе кадров оформят все документы. И ещё кое-что, Алиса Дмитриевна.

Она замерла, уже взявшись за дверную ручку.

— Платье, которое на вас надето, — он даже не обернулся, перебирая какие-то бумаги на столе, — сожгите. В моём офисе соблюдают дресс-код. Если у вас нет средств наличный гардероб, аванс можете получить в бухгалтерии. Я не потерплю, чтобы мой ассистент выглядел как беженка из ночлежки.

Щёки Алисы вспыхнули огнём. Унижение обожгло, как пощёчина. Она открыла рот, чтобы ответить — что-то резкое, гордое, что доказало бы, что у неё есть чувство собственного достоинства, — но не смогла выдать ни звука. Потому что он был прав. Она действительно выглядела жалко. И гордость сейчас была непозволительной роскошью, за которую пришлось бы расплачиваться голодом.

— Я поняла, — тихо ответила она и выскользнула за дверь.

Коридор встретил её тишиной и холодным светом ламп. Алиса прижалась спиной к стене, чувствуя, как ноги наливаются свинцовой тяжестью. Сердце колотилось в рёбра, дыхание сбивалось, и она никак не могла понять, что именно она сейчас испытывает. Страх? Унижение? Облегчение? Или что-то совершенно новое, чему она пока не могла подобрать название, — тёмное, опасное, тревожное любопытство, похожее на зуд в кончиках пальцев?

Она получила работу. Работу своей мечты, если мечтой можно назвать кабалу у человека, который с первых минут знакомства дал понять, что будет выжимать её досуха. Работу, которая обещала решить все её финансовые проблемы, но грозила уничтожить её как личность. Работу, ради которой ей придётся переступить через страх, гордость и, возможно, через что-то ещё более важное — через то, что составляло её суть.

В отделе кадров — маленькой комнатушке на втором этаже — её встретила улыбчивая девушка с бейджиком «Елена». Документы оформили быстро: стандартный договор, NDA о неразглашении, анкета с двумя десятками вопросов, подписка о согласии на обработку персональных дан-

ных. Алиса ставила подписи, почти не читая, — она слишком устала, слишком замёрзла, слишком была оглушена произошедшим.

— Аванс? — переспросила Елена, когда Алиса робко поинтересовалась возможностью получить деньги до зарплаты. — Да, конечно, Виктор Александрович распорядился. Вам переведут пятьдесят тысяч на карту, реквизиты у нас есть из резюме. В течение часа поступят.

Пятьдесят тысяч. Сумма, равная трём месяцам её жизни в режиме жесточайшей экономии. Сумма, за которую она могла бы купить нормальную еду, заплатить за квартиру и даже приобрести то самое платье, которое, по мнению Горчакова, не будет выглядеть как «тряпка беженки». От этой мысли её замутило: он купил её с потрохами, даже не заплатив ни копейки, — просто пообещал аванс, просто махнул рукой, и вот она уже готова плясать под его дудку.

Выйдя из офиса, она остановилась под аркой — той самой, где впервые увидела его, — и закурила. Сигареты в пачке кончились, осталась одна, последняя, и она жадно затянулась, чувствуя, как горький дым обжигает горло. Дождь почти прекратился, превратившись в мелкую морось, и в воздухе пахло мокрой листвой, выхлопными газами и гнилью — обычный осенний запах Москвы, который она ненавидела

и любила одновременно.

Телефон в кармане пиликнул, оповещая о поступлении денег. Пятьдесят тысяч ровно. Она уставилась на цифры на экране, и ей вдруг почудилось, что они светятся алым — цветом опасности, цветом крови, цветом запрета, который она только что нарушила, сама того не понимая.

Где-то глубоко внутри, на уровне подсознания, уже зарождалось смутное, липкое, как страх, предчувствие: эта работа изменит всё. И не факт, что к лучшему.

Она потушила сигарету о мокрую стену, бросила окурок в урну и шагнула под дождь. До завтрашнего утра у неё было меньше суток, чтобы собраться с мыслями, купить одежду и подготовиться к первому дню в аду, куда она вошла добровольно, подписав контракт кровью своего отчаяния.

А в кабинете на четвёртом этаже человек с глазами цвета горького шоколада всё ещё стоял у окна и смотрел вниз, на маленькую фигурку в синем тренче, удаляющуюся по брусчатке внутреннего двора. На его губах играла улыбка — хищная, довольная, предвкушающая.

— Алиса, — произнёс он в пустоту, и звук собственного голоса, казалось, доставил ему удовольствие. — Добро по-

жаловать в мою Страну чудес. Здесь всё вверх дном, и белые кролики едят тех, кто за ними гонится. Надеюсь, ты выдержишься дольше предыдущих. Ты мне нравишься. В тебе есть... потенциал.

Он достал из внутреннего кармана пиджака телефон — тот самый, который Алиса видела в его руках в холле, когда он ждал лифта, — и набрал короткий номер.

— Да, — ответил голос на том конце.

— Подготовь досье на Карелину Алису Дмитриевну, двадцать три года, выпускница филфака МГУ. Мне нужно всё: биография, родственники, связи, привычки, слабости. Особенно слабости. И проверь, не пересекалась ли она с кем-то из наших... партнёров. Да. К завтрашнему утру.

Он нажал отбой и убрал телефон. Глаза его, отражавшие серое небо, на мгновение стали почти чёрными — цвета концентрированной тьмы, которая прячется на дне заброшенных колодцев. Где-то вдали прогремел гром — неожиданно, резко, словно выстрел. Дождь усилился, забарабанил по стёклам с утроенной силой, и кабинет погрузился в полумрак, нарушаемый лишь вспышками далёких молний.

Виктор Александрович Горчаков — миллиардер, владе-

лец одной из крупнейших девелоперских империй страны, человек, чьё имя произносили шёпотом в коридорах власти, — поднёс к губам стакан с водой, стоявший на столе, и сделал глоток. Вода была безвкусной, как и всё в его жизни последние несколько лет. Но, глядя на то, как фигура в синем плаще исчезает за поворотом арки, он вдруг почувствовал что-то, чего не ощущал давно.

Интерес. Жгучий, почти болезненный интерес, похожий на голод.

А голод Виктора Горчакова, как знали все, кто имел несчастье с ним столкнуться, невозможно было утолить. Его можно было только разжечь.

Он поставил стакан на стол, развернулся и направился к двери. Впереди был долгий день — совещания, переговоры, ужин с деловыми партнёрами, ночной клуб, где его ждали старые знакомые. Но мысли его то и дело возвращались к той минуте в переговорной, когда девушка с мокрыми волосами и тушью, размазанной под глазами, посмотрела на него и сказала: «Я уверена».

— Посмотрим, насколько уверена, — прошептал он, и эхо его голоса заметалось под сводами старинного особняка. — Посмотрим, из какого теста ты слеплена, Алиса Карелина. И

как скоро ты сломаешься.

Потому что в его мире все ломались. Рано или поздно. Вопрос был лишь во времени и в том, насколько красивым будет падение.

А падения Виктор Горчаков коллекционировал с тем же азартом, с каким другие коллекционируют марки, вино или произведения искусства. И чутьё подсказывало ему, что падение этой конкретной девушки — девушки с фамилией Карелина и именем из сказки — может стать жемчужиной его коллекции.

Гром грянул снова, и свет в коридоре мигнул, погружая особняк в секундную темноту. Где-то на первом этаже охранник чертыхнулся, проверяя щиток. Где-то на Ордынке взвыла сигнализация припаркованной машины. А где-то в вагоне метро, забившись в угол, Алиса смотрела на своё отражение в тёмном стекле и видела там не себя прежнюю — испуганную, отчаявшуюся, сломленную, — а кого-то нового. Кого-то, кто только начал просыпаться.

За окнами мелькали огни перегонов, поезд нырял в тоннель, и стук колёс отбивал странный, тревожный ритм, похожий на биение сердца. Или на шаги хищника, крадущегося за добычей. Алиса закрыла глаза, но вместо темноты уви-

дела его лицо — резкое, хищное, с золотистыми искрами в глубине зрачков. И улыбку. Эту невозможную, обезоруживающую, опасную улыбку, от которой у неё всё внутри переворачивалось и падало в пропасть.

Поезд вынырнул из тоннеля, за окнами снова замелькали дома, машины, люди, спешащие по своим делам. Москва жила своей обычной жизнью, не подозревая, что только что в одном из её старых особняков была запущена цепь событий, которая изменит множество судеб. И первой в этой цепи стояла Алиса Карелина — девушка, которая войдя в клетку к хищнику, ещё не знала, что обратной дороги не будет.

Но смутное, тревожное предчувствие уже пульсировало где-то в солнечном сплетении, отравляя короткую радость от полученной работы. Предчувствие беды, которая маячила на горизонте, словно грозовая туча, — далёкая пока, но неотвратимая, как сам октябрьский дождь, как дыхание осени, как горький привкус мёда, оставшийся на губах после первой, ничего не значащей встречи.

Она ещё не знала этого вкуса. Но очень скоро ей предстояло узнать его в полной мере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.